

Школа в Ласковой Долине

Фрэнсин Паскаль

Я тебя никогда не забуду

1984

Паскаль Ф.

Я тебя никогда не забуду / Ф. Паскаль — 1984 — (Школа в Ласковой Долине)

Популярнейшая серия «Школа в Ласковой Долине» рассказывает о приключениях сестер-близнецов Уэйкфилд из маленького американского городка. Сестры Элизабет и Джессика ссорятся и мирятся, влюбляются в одноклассников и мучаются от неразделенной любви, участвуют в веселых мероприятиях и попадают в опасные ситуации. Трисия, любимая девушка Стивена, смертельно больна. Друзья прощаются с ней навсегда.

Содержание

1	5
2	10
3	13
4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Фрэнсин Паскаль

Я тебя никогда не забуду

1

– Трисия, ты не можешь нас покинуть, – прошептала Элизабет Уэйкфилд.

В ее больших зеленовато-голубых глазах стояли слезы. Сердце сжималось, когда она опускала взгляд на хрупкую фигуру на больничной койке.

Никто не ожидал, что все произойдет так быстро и внезапно. Хотя доктора и говорили, что у Трисии нет никакой надежды победить лейкемию, девушка держалась очень мужественно и была исполнена жажды жизни. Элизабет никогда до конца не могла поверить в то, что подруга брата на грани смерти. Однако, войдя в палату несколько минут назад и увидев Стивена, неуклюже примостившегося на стуле возле кровати Трисии, Элизабет поняла, что это конец.

Трисия лежала закрыв глаза. Ее лицо было невероятно бледным. И только рыжеватые волосы выделялись на фоне белоснежных больничных простыней.

– Трисия! – Элизабет наклонилась и осторожно, чтобы не повредить капельницы, взяла ее худую руку.

У Трисии дрогнули веки, она открыла глаза и посмотрела влево от Элизабет.

– Мистер и миссис Уэйкфилд... и Джессика... – Медленно, с большим трудом Трисия повернула лицо к стоявшей у дверей сестре Элизабет, как две капли воды похожей на нее. Трисия слабо улыбнулась.

Джессика напряженно всматривалась в пол, обводя ногой квадраты линолеума. Она всегда с неодобрением отзывалась о семье Трисии. Отец-алкоголик и распущенная, необузданная сестра Бетси. Джессика всеми правдами и неправдами пыталась встать между Трисией и Стивеном. И вот очаровательная, добрая Трисия на пороге смерти. По щеке Джессики прокатилась слеза.

– Эй, не надо плакать, – слабо прошептала Трисия.

И хотя ее голос был едва слышен, в нем чувствовалось мужество.

– Поверьте, эти последние месяцы были самыми счастливыми в моей жизни.

Трисия заметила, как смотрел на нее Стивен, и от этого его взгляда была готова расплакаться. Его лицо искажено страданием, под глазами круги – следы бессонных ночей. Она быстро отвернулась к Элизабет, Джессике и их родителям.

– Самые счастливые в моей жизни, – повторила Трисия, – благодаря вам. Я чувствовала себя как в родной семье.

При слове «семья» едва заметное выражение боли промелькнуло на ее лице, но Элизабет успела его заметить. Она сначала решила, что Трисии просто тяжело говорить, но, поразмыслив, поняла, что Трисия вспомнила о своей собственной семье. Даже в последние часы жизни она не могла рассчитывать на то, что отец и сестра будут рядом с ней, и это причиняло гораздо большие страдания, чем физическая боль.

Трисия слабо вздохнула. Несколько фраз, которые она произнесла, совсем лишили ее сил, а мысли о семье не облегчали мук. Элизабет видела, что Трисия прилагает все силы, чтобы не закрыть глаза.

Теперь стало понятно, почему мама позвонила Каре Уокер, у которой они отмечали победу своей баскетбольной команды, и срочно вызвала их с Джессикой в больницу. Было видно, что Трисия долго не протянет.

Элис Уэйкфилд подошла ближе к больничной койке.

– Мы все любим тебя, Трисия, – сказала она.

Нед Уэйкфилд встал рядом с женой у изголовья кровати.

– Мы всегда считали, что Стивен сделал прекрасный выбор. – Он изо всех сил пытался говорить немного веселее.

Трисия собрала последние силы, чтобы ответить так же непринужденно:

– Он же берет пример с вас, мистер Уэйкфилд.

Джессика с растущим изумлением наблюдала за происходящим. Откуда у Трисии столько оптимизма? Для Джессики день мог быть легко испорчен даже таким пустяком, как спустившаяся петля на чулке. Трисия же продолжала улыбаться, глядя в лицо смерти, и проявляла мужество, как Люк Скайуолкер¹. Джессика вспомнила, как давным-давно Элизабет заклинала ее не судить о Трисии по ее семье. Что бы ни рассказывали об ее отце и сестре, Трисия оставалась полна благородства. Что ж, может, Элизабет и права, с легким чувством зависти подумала Джессика.

Трисия снова взглянула на Стивена.

– Кажется, я тоже научилась делать выбор, – тихо произнесла она. – Я с первого взгляда поняла, что он самый лучший...

Элис и Нед Уэйкфилд переглянулись и сделали знак дочерям: пришло время попрощаться с Трисией и оставить ее наедине со Стивеном.

Элизабет нежно пожала руку Трисии.

– Пока, Триш, – прошептала она, сдерживая слезы, но как только отошла от кровати, они полились рекой по ее красивому лицу.

Вперед выступила Джессика:

– Трисия... мне... мне правда жаль... Я имею в виду, что... – Впервые в жизни Джессика не находила слов.

– Джессика, не надо просить прощения, – великодушно сказала Трисия.

Мысленно Джессика взяла назад все мерзкие слова, которые когда-либо сказала о подруге своего брата.

– Ну, будь здорова, – неуклюже простилась она.

«А что бы вы сказали человеку, которого вы наверняка никогда больше не увидите?»

Нед Уэйкфилд проглотил комок в горле, прокашлялся и поцеловал Трисию на прощание. Жена последовала его примеру. Выходя из больничной палаты, она обняла сына. Элизабет и Джессика вышли вслед за родителями.

– Помнишь, Стивен, – спросила Трисия, как только они остались наедине, – помнишь, как мы встретились с тобой в первый раз?

Стивен пододвинулся к краю кровати.

– Я никогда этого не забуду, – сказал он и спрятал лицо в ладонях. – Стоит мне закрыть глаза, и я вижу, как ты бегаешь по берегу океана, поднимая фонтаны брызг, и ловишь ртом дождевые капли. А когда все побежали прятаться от дождя, я подошел к тебе...

– Они пропустили лучшее, что было в тот день, – радостно вспоминала Трисия, но голос ее был едва слышен.

– Ты была тогда такая прекрасная. – Стивен наклонился и поцеловал ее в лоб. – Как и сейчас. – Вдруг он нахмурился и приглушенно зарыдал: – Трисия, не уходи... Пожалуйста, останься со мной.

Трисия коснулась его пальцами, потом, собрав последние силы, подняла руку и положила ему на колено. Его рыдания смолкли.

– Пора, Стив, – прошептала она грустно. – Я больше не могу выносить эту боль. Я хочу, чтобы это наконец прекратилось. Ты должен мне позволить, Стив. Пожалуйста, ради меня.

Стивен поднял лицо и вытер ладонью слезы:

¹ Персонаж популярного фильма о звездных войнах. – Здесь и далее примеч. ред.

– Для тебя, Триш, я сделаю все, что угодно.
– Все-все?
– Все что хочешь, – попытался улыбнуться Стивен.
– Тогда я прошу тебя.
– Говори.
– Моя сестра...
– Что я должен для нее сделать? – спросил Стивен и подумал: «Она даже не смогла взять себя в руки и прийти сегодня к Трисии».

– Позаботься о ней.
– О Бетси? – удивленно переспросил Стивен.
– Стив, ей, кроме тебя, некому помочь. Отец... знаешь, когда мама умерла, все было так же, как сейчас... – Трисия с трудом обвела рукой больничную палату. – Он потерял голову, запил до беспамьятства, исчез и не возвращался несколько месяцев. Думаю, и теперь будет та же история. – Она замолчала, собираясь с силами, потом тяжело вздохнула и продолжила: – А когда он исчез, начались неприятности с Бетси. Она ведь раньше была совсем другой. – Слезы навернулись на глаза девушки. – В детстве мы были так близки, как только могут быть близки сестры. Как Лиз и Джес... – Голос Трисии задрожал.

– Я знаю, Триш. Успокойся. Тебе нельзя волноваться.

Стивен погладил ее по щеке.

– Скажи, ты ведь будешь за ней присматривать, да?

– Трисия, я... я не уверен, что она станет кого-нибудь слушать.

– Пообещай мне, – настаивала Трисия.

Стивен посмотрел в ее небесно-голубые глаза.

– Я не могу тебе отказать, – мягко сказал он. – Я обещаю.

Трисия слабо вздохнула. Этот разговор отнял у нее последние силы.

– Я знала, что могу на тебя надеяться... Стивен, я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, Триш.

– Стив, я так устала. Я немного посплю, ладно? – едва слышно прошептала она.

– Конечно-конечно, – пробормотал Стивен, и Трисия навсегда закрыла глаза.

Спустя некоторое время Элизабет и Джессика вели Стивена по белым коридорам к выходу из больницы имени Джошуа Фаулера. По лицу Стивена текли слезы. Родители в молчании следовали за ними.

«Этого не может быть, – думала Элизабет, – не может быть, чтобы Трисия умерла».

Элизабет обняла брата, который весь сотряслся от рыданий, и они вышли в вестибюль. Элизабет тоже плакала. Вдруг к своему изумлению она увидела, как в двери больницы ворвалась девушка, своей фигурой удивительно напоминая Трисию, но немного светлее цветом лица и с коротко стриженными растрепанными волосами. Элизабет застыла на месте от удивления. Девушка, бежавшая им навстречу, была Бетси Мартин!

– Трисия! Где Трисия? Я хочу видеть свою сестру! – Ее крики нарушили тишину больничного вестибюля.

Все посетители обернулись к ней, привлеченные шумом. Лицо Стивена помрачнело еще больше, когда он большими решительными шагами направился к Бетси и она, с налитыми кровью, как у разъяренного зверя, глазами, размахивающая руками, чуть не налетела на него.

– Боже мой, ты только погляди на нее, – презрительно прошептала Джессика. – Она, наверное, напьется даже под страхом смертной казни.

– Я хочу видеть Триш! – пронзительно закричала Бетси, не обращая никакого внимания на ледяной взгляд Джессики.

Санитар в белом накрахмаленном халате быстро подошел к Бетси и строгим голосом произнес:

– Я должен попросить вас, мисс, вести себя тише. В противном случае вам придется уйти. Бетси резко развернулась на каблуках, едва не потеряв равновесие.

– Тише? – воскликнула она в гневе. Даже Элизабет, стоявшая в нескольких шагах от Бетси, почувствовала, что от нее сильно пахло алкоголем. Яркий макияж на одном глазу размазался, а на юбке, сильно зауженной в бедрах, не хватало нескольких пуговиц.

– Здесь моя сестра! В этой больнице! Она умирает! Неужели не понятно? – закричала она в истерике. – Трисия умирает, а мне, видите ли, нельзя повышать голос! – И она, сжав кулаки, пошла прямо на санитаря.

Стивен встал между ними и прижал Бетси к себе, она же принялась колотить по его груди кулаками и снова завопила:

– Где Трисия? Отведите меня к Трисии!

Тогда он стал успокаивающе гладить ее по голове, приговаривая:

– Все хорошо. Все будет хорошо.

Бетси словно ребенок расплакалась на груди у Стивена. Он подвел ее к стульям, стоявшим вдоль стены. Последние несколько шагов ему пришлось буквально тащить ее на себе.

– Я же говорила, – презрительно заметила Джессика, – она еле держится на ногах. Наверное, сегодня вечером она уже успела побывать во всех барах Южной Калифорнии.

– Прекрасно, Джес, – оборвала ее Элизабет. – Неужели тебе ее не жаль? Ей необходимо сочувствие, ведь Стивен сейчас расскажет ей о смерти сестры. – И она посмотрела на Стивена, который сжимал руки Бетси.

– Насколько я знаю, – язвительно заметила Джессика, – ей необходимо сочувствие половины парней Ласковой Долины, не считая живущих в других городах.

– Я не об этом говорю, – холодно ответила Элизабет, – и ты это прекрасно понимаешь. Неужели у тебя нет ни капли жалости к ней?

– Элизабет права, – устало сказала Элис Уэйкфилд. – И давайте не ссориться из-за пустяков сегодня. Вечер и без того тяжелый.

Нед Уэйкфилд обнял жену за плечи.

– И к тому же еще не закончился, – добавил он, глядя на Бетси со Стивеном.

Вдруг Бетси громко зарыдала:

– Нет, Стивен, нет! Это неправда! Не-е-ет! Ее крик, казалось, достиг наивысшей ноты.

Бетси стала изо всех сил вырываться из рук Стивена, но он еще крепче прижал ее к себе. Наконец рыдания смолкли и раздавались только приглушенные всхлипывания. Бетси уткнулась лицом в плечо Стивена и повисла на нем. Стивен взглянул на родителей. На лице его читалось бессилие.

Нед и Элис Уэйкфилд поспешили на помощь сыну. Элизабет и Джессика – за ними следом. Отец осторожно разжал руки Бетси и сам обнял девушку.

– Мне кажется, – сказал он, – единственное, что сейчас нужно этой юной леди, это лечь в постель и хорошенько выспаться. – Он слегка похлопал все еще продолжавшую всхлипывать Бетси по спине. – Тебе, Стивен, тоже. Так что мы все едем домой.

– Нет, – Стивен вскочил со своего стула. – Бетси не может возвращаться к себе. Ведь там о ней некому позаботиться.

Теперь его лицо выражало сострадание.

– Я это и имею в виду, – мягко возразил отец, – мы все едем к нам домой, и Бетси с нами.

Наконец, впервые за все свое пребывание в больнице, Бетси немного успокоилась и с удивлением посмотрела на отца близняшек.

Джессика тоже выглядела озадаченной. Бетси Мартин? К ним домой?

Бетси словно угадала мысли Джессики:

– Я? Вы приглашаете меня к себе?

– И прямо сейчас, – ответил Нед Уэйкфилд. – Вы со Стивеном поедете со мной, а Элис поведет машину Стиви. – Он повернулся к дочерям: – Девочки, я думаю, вам одним можно доверить «фиат»?

Элизабет кивнула.

– Нет, я не могу ехать к вам, – попыталась было возразить Бетси.

– Послушай, Бетси, – мягко сказала миссис Уэйкфилд, – мы пытались дозвониться твоему отцу, но дома никто не снимал трубку. А тебе лучше сегодня не оставаться одной.

Бетси осторожно освободилась из объятий мистера Уэйкфилда и повернулась к его жене:

– Но я не заслуживаю такого внимания. Ведь сестра умерла, так и не дождавшись от меня даже последнего «прощай».

И она опять разрыдалась, не в силах сдерживать слезы.

– Бетси, дорогая, – пыталась успокоить ее миссис Уэйкфилд, – ты уже ничем не могла помочь ей.

– Но я должна была быть здесь, – всхлипывала Бетси. – Мое место было рядом с ней. Вместо... вместо того, чтобы курить и пить все, что только могла найти... – Бетси судорожно всхлипнула, прервав свою исповедь. – О, Трисия, прости... прости меня, пожалуйста. – Она вдруг бросилась на колени прямо на мраморный холодный пол. – Я обещаю тебе... нет, клянусь... клянусь, я больше никогда не притронусь к этой дряни!

Джессика скептически посмотрела на Бетси. Одна из самых отпетых девиц в городе решила начать новую жизнь? Джессика не могла поверить в то, что от Бетси Мартин можно ожидать чего-нибудь, кроме неприятностей.

2

– Да, это решение Бетси, пожалуй, единственное, что было приятного за сегодняшний вечер, – размышляла Элизабет в то время, как они с Джессикой шли вдоль больничной стоянки к своему маленькому красному автомобилю с откидным верхом.

Она глубоко вдыхала прохладный ночной воздух, приходя в себя после ослепляющего света ламп и белых стен больницы.

– Ты что, и вправду думаешь, что она сдержит свое обещание? – спросила Джессика. – Вот увидишь, уже завтра Бетси опять что-нибудь выкинет. Даже у нас в доме, если не появится ее отец. И бог знает, что про нас станут говорить в школе.

– В школе станут говорить, что Джессика Уэйкфилд и ее семья очень добрые люди, если стали заботиться о бедняжке Бетси.

Элизабет села за руль и открыла боковую дверцу.

– «О бедняжке Бетси», – передразнила ее Джессика, усаживаясь на соседнее сиденье. – Честно говоря, Лиз, странно, что у меня может быть такая наивная сестра.

– Не считаю себя наивной, Джес. Я просто верю в то, что люди могут исправиться.

– Вот-вот. Встретив в безлюдной аллее Джека Потрошителя, ты бы подумала, что он вышел подышать свежим воздухом.

Элизабет решила не отвечать на колкость. У нее не было сил спорить с сестрой. А потом, ссориться, когда на сердце и так тяжело после смерти Трисии... Она повернула ключ зажигания и завела машину.

– Эй, а почему ты опять ведешь машину? – обиженно спросила Джессика, когда Элизабет стала выезжать за узорные железные ворота больницы вслед за красно-коричневым автомобилем родителей.

– Джес, тебя еще тянет ссориться после всего случившегося? – Элизабет взглянула на сестру, которая сидела, надув губы. – Ты ведь знаешь, что папа не разрешает тебе водить машину после всех твоих штрафов за нарушение правил дорожного движения, и особенно после случая на Миллерз-Пойнт.

Миллерз-Пойнт живописная горная площадка, с которой открывался вид на весь город. Но большинство влюбленных парочек приезжали туда отнюдь не за тем, чтобы разглядывать окрестности.

Джессика раздраженно взглянула на сестру:

– Да, я ехала немножко быстрее, чем положено.

– Немножко? Да бог с тобой, Джес. Насколько я тебя знаю, ты всегда носишься, как на гонках «Формулы-1».

– Слушай, я ведь заплатила штраф из своих собственных денег, которые копила на новый стереомагнитофон, и, по-твоему, я еще мало наказана?

– Ты же знаешь, Джес, что это не я так решила. А потом, этот новый стереомагнитофон и не слишком тебе нужен. Тебе вполне хватает и моего, которым ты всегда пользуешься. – И Элизабет слегка похлопала Джессику по руке.

– Да не в этом дело, – расстроено ответила Джессика и, шелкнув кнопкой радиоприемника, стала искать нужную волну.

– А в чем же? – поинтересовалась Элизабет.

– Да в том, что мне вообще не надо было ехать на Миллерз-Пойнт тем вечером. А если и ехать, то не с Полом Шервудом. Ты представляешь, он целоваться совсем не умеет. Целуется, как дохлая рыба.

Сестры так и прыснули. После напряженного вечера нужна была разрядка, и Элизабет была благодарна сестре за шутку.

– Так ты оказалась ему не по зубам, Джес, – смеялась Элизабет, следуя по извилистой дороге за машиной родителей.

– Да, кстати о Миллерз-Пойнт, – продолжала Джессика, ловко поворачивая разговор на прежнюю тему. – Знаешь, с кем на прошлой неделе там была Бетси Мартин?

– Джес, оставь ее в покое, ладно? – Элизабет мгновенно помрачнела.

– С Чарли Кэшменом и Джимом Старбриджем, представляешь? Сразу с обоими! Как тебе это нравится?

– Джес, людям надо давать шанс исправиться.

– Клянусь, Лиз, если б мы не были как две капли воды похожи друг на друга, никто никогда бы не догадался, что ты моя родная сестра.

И это была чистая правда. При поразительном внешнем сходстве, одинаковых золотистых волосах, безупречных стройных фигурах, цвете лица, внутренне они были настолько разные, насколько могут отличаться две шестнадцатилетние девушки.

– Как можно ожидать чего-то хорошего от этой девицы! – воскликнула Джессика. – Неужели ты не помнишь тот случай, когда они с Риком Эндовером носились на его «камаро»? А когда полиция их остановила, то в бардачке машины нашли столько наркотиков, сколько нет даже в аптеке!

– Я, кажется, припоминаю кого-то, кто однажды сам был по уши влюблен в Рика Эндовера, – усмехнулась Элизабет и ехидно посмотрела на сестру.

Джессика продолжала переключать приемник с одной программы на другую.

– Ну могут же люди иногда ошибаться, – попыталась оправдаться она.

– Вот и я о том же, – торжествующе воскликнула Элизабет, сворачивая на Калико-Драйв. – В свое время Бетси наделала ошибок и теперь пожинает плоды.

– Знаешь, мне только хотелось бы, чтобы это происходило подальше от меня. Я вздохну с облегчением, когда старый пьяница Мартин вернется и заберет от нас свою дочку. Если у него очередной запой, думаю, он вернется не позже чем через пару дней, а?

– Откуда я могу знать, – печально покачала головой Элизабет, – что на уме у такого человека, как мистер Мартин. Его не было здесь, даже когда умирала Трисия. Так почему ты считаешь, что он появится ради Бетси?

В ее зеленовато-голубых глазах стояли слезы.

– Я всегда говорила, что от этих Мартинов ничего хорошего не жди. – Джессика в порыве чувств хлопнула ладонью по приборной доске. – Теперь самое время Стивену навсегда от них избавиться.

– Я бы так не говорила, но, пожалуй, Стивену нужно держаться подальше от Бетси. Ведь до похорон он вряд ли вернется в свой колледж. Ему так тяжело после смерти Трисии, и то, что в нашем доме ее сестра, для него только лишняя боль.

– Я знала, что рано или поздно, но ты со мной согласишься. – Джессика самодовольно кивнула головой.

– Рано радуешься, Джес. Я по-прежнему прошу тебя отнестись к ней добрее.

– С какой стати? Ведь мы не собираемся оставлять ее у себя дома надолго.

– Джессика Уэйкфилд, ее сестра только что умерла. Представь только, каково ей сейчас. Подумай об этом, Джес. Что бы ты чувствовала, если бы умерла я?

Джессика содрогнулась при воспоминании о том времени, когда она сама чуть не потеряла сестру. Элизабет тогда попала в автокатастрофу. Джессика обещала подвезти ее домой на машине, но не захотела так рано уходить с вечеринки, и Элизабет решила поехать на мотоцикле. Эта поездка закончилась трагедией.

У Джессики похолодело внутри, едва она вспомнила сестру, лежащую в состоянии комы, на грани смерти. Это было самое страшное время в жизни Джессики. Не дай бог пройти через такое еще раз.

- Ты права, Лиз, – наконец ответила она, когда их машина уже сворачивала на аллею, ведущую к дому Уэйкфилдов. – Я обещаю хорошо относиться к Бетси Мартин, договорились?
- Договорились, – обрадовалась Элизабет.
- По крайней мере, в ближайшее время, – добавила про себя Джессика.

3

– Опять эта пицца, – вздохнула Элизабет, когда они с Инид Роллинз пришли в школьную столовую. – Они, наверное, вырезают их из картона, честное слово.

Элизабет поставила на поднос пиццу, стакан сока и взяла еще яблоко. Она оглядела переполненный зал и поискала глазами своего приятеля, Тодда Уилкинза.

Вокруг было много народу. Кто-то пытался доделать домашнее задание, некоторые использовали свободное время для общения с друзьями, а кое-кто даже устроил беготню между столиками и потом выбегал во дворик перед столовой.

«Для всех остальных день как день», – подумала Элизабет.

Она же не могла забыть о Трисии, переживала за Бетси и Стивена. Разглядывая эту шумную толпу, она с грустью осознавала, что мир не перевернулся из-за того, что в ее жизни произошла трагедия.

– Все в порядке, Лиз? – Инид сочувственно обняла Элизабет.

В ее больших зеленых глазах была тревога.

– Нормально. Спасибо, Инид.

– Жаль, что словами горю не поможешь. Потребуется время, чтобы оправиться после смерти Трисии. А жизнь продолжается, и надо помнить, что ваши друзья с вами.

Элизабет слабо улыбнулась:

– Я вижу ее лицо так же, как твое.

Инид нахмурилась и мрачно посмотрела на Элизабет.

– Прости, Инид, дурацкая шутка. Ты права, все, что мне остается, – это получить максимум удовольствия от такой замечательной пиццы.

Подруги, смеясь, отошли от прилавка.

– Ты нигде не видела Тодда? Он вчера позвонил сразу после тебя, чтобы выразить соболезнования. – Голос Элизабет опять на мгновение стал печальным. – Сегодня утром мы с ним уже виделись и договорились встретиться за обедом, – добавила она, пытаясь отогнать мрачные мысли.

– Может, он на улице, – предположила Инид.

Подруги вышли во дворик и сразу же увидели Тодда, стоящего в толпе, которая собралась вокруг долгового Уинстона Эгберта. Уинстон восседал за одним из деревянных столиков. Перед ним на подносе стояла тарелка, на которой высилась стопка пицц.

– Не выйдет, Эгберт, – недоверчиво говорил Брюс Пэтмен. – Не съешь ты это все за четыре минуты.

– Судя по вечеринке в «Бич Диско» – сможет, – возразил ему Тодд.

– Поглядим, – кивнул Брюс.

Инид и Элизабет поставили свои подносы на свободный столик и присоединились к быстро увеличивающейся толпе, чтобы не пропустить веселого зрелища.

– Эй, глазеешь? – Элизабет обняла своего друга.

– Лиз. – В голосе Тодда слышалось беспокойство. – Ты как?

– Ничего в общем. Инид меня развлекает.

– Ну и хорошо, – улыбнулся Тодд. Он был игроком школьной баскетбольной команды. Стройный, симпатичный. Когда он улыбался, в уголках его глаз появлялись морщинки, при виде которых сердце Элизабет начинало стучать чаще. А сегодня ей было особенно приятно, что рядом есть такой надежный и такой любимый человек и что трагическая развязка событий последнего времени, слава богу, уже позади.

Тодд нежно обнял Элизабет.

– Этот спектакль должен поднять тебе настроение. – Он кивнул в сторону Эгберта, который но всем правилам повязывал себе на шею в качестве салфетки носовой платок и при этом гримасничал. – Ты как раз вовремя, чтобы увидеть, как я выиграю у Брюса спор.

Тодд откинул со лба прядь темно-каштановых волос.

– Ну на этот раз я на стороне Брюса, – сказала Лила Фаулер. – Мне кажется, это невозможно.

– Лила, – кривлялся Уинстон, поглаживая себя по животу, – радость моя, ты недооцениваешь силы Короля Бутербродов. Эй, Элизабет, – попросил он, увидев ее, – возьми на себя обязанности судьи, ладно? – Уинстон кивнул на часы на запястье у Элизабет.

– Конечно, Ваше Величество. – Элизабет посмотрела на часы: – Начинаем через десять секунд.

Уинстон сделал большой глоток пунша и со стуком поставил стакан на стол.

– Ну, Уин, – сказала Элизабет, глядя на часы, – на старт... внимание... марш!

Уинстон схватил первую пиццу и в два приема проглотил ее. Потом запихнул в рот вторую и стал усиленно ее пережевывать.

– Уинстон превратит это в театр одного актера. – Лила откинула за плечи длинные волнистые светло-каштановые волосы.

Уинстон запил вторую пиццу большим глотком пунша и принялся за третью.

– Bravo, Уин! – воскликнула Элизабет. – Еще больше двух с половиной минут осталось.

Но Уинстон стал сдавать. Третью пиццу он съел уже в четыре приема и притом долго ее жевал.

– Глядя на него, я уже вижу, как еду на «Бич Диско» с какой-нибудь счастливицей, да, Уилкинз? – Брюс Пэтмен толкнул Тодда локтем.

Уинстон посмотрел на Брюса таким взглядом, словно хотел сказать: «Если бы у меня не был занят рот, я бы посоветовал, куда тебе поехать». Эта шутка Брюса только подзадорила его. Уже исчезла половина четвертой пиццы. Уинстон больше не кривлялся. Вместо шутовских гримас на его лице появилось сосредоточенное выражение.

– Последняя минута, – громко объявила Элизабет, – ты успеваешь.

– Давай, Уинстон, жуй! – ободряюще закричала Инид.

– Держись, Уин, – поддержал ее Роджер Баррет, стоявший в обнимку со своей подружкой Оливией Дэвидсон.

– Осталось двадцать секунд... Уинстон запихнул в рот последний кусок.

– Десять... девять... восемь...

Уинстон с усилием проглотил пиццу, запил ее пуншем и расплылся в широкой улыбке.

– Здорово, Уинстон! – восторженно крикнул Тодд и похлопал Брюса по плечу. – Так что эта очаровательная девушка и я отправляемся в пятницу вечером на «Бич Диско», ты проспори. – И он подхватил Элизабет на руки и подбросил в воздух.

Роджер и Кен Метьюз, капитан футбольной команды, водрузили Уинстона себе на плечи, торжественно пронесли его по дворику и вынесли на газон. За ними следовали еще несколько человек.

– Дорогу Королю Бутербродов! – громко крикнула Инид, когда процессия огибала один из больших дубов на школьном дворе.

Оливия же схватила несколько ложек и принялась ими стучать, возвещая о триумфе Уинстона.

Когда процессия удалилась, к Элизабет и Тодду подошла Регина Морроу с подносом в руках.

– Что здесь происходит? – удивленно спросила она.

– Привет, Регина. Ты такое представление пропустила, – сказала Элизабет, отчетливо выговаривая каждое слово, чтобы ее плохо слышащая подруга могла разобрать слова по дви-

жению губ. – Уинстон установил школьный рекорд по поеданию пиццы. – И Элизабет рассказала Регине о подвиге Уинстона.

– Да, кстати, о пицце, – добавила она, когда к ним вернулась Инид, – мы как раз собираемся приступить к ней. Присоединяйся.

К концу обеденного перерыва к Элизабет вернулось ее обычное настроение. Тодд, Инид и Регина веселили ее, как могли, состязаясь в остроумии по поводу пиццы. В итоге никто не осилил даже половины порции, дружно решив, что Уинстон наелся за всех.

«Инид права, – думала Элизабет, – друзья познаются в беде».

И от этого ей стало легче. Но когда учебный день подошел к концу, Элизабет снова начала вспоминать о Трисии и тревожиться о ее сестре. У бедняжки Бетси нет никого, кто мог бы поддержать ее в течение дня, развеселить или хотя бы просто поговорить.

«Ей, должно быть, так одиноко, – думала Элизабет по пути от автобусной остановки до дома, – так страшно. Если б у нее были такие друзья как у меня... Да, если ей и есть на кого рассчитывать, так это только на меня», – решила она и ускорила шаг, намереваясь поговорить с Бетси, как только придет домой.

Открыв входную дверь, Элизабет услышала оглушительную музыку.

– Эй, кто дома, – громко позвала она.

Джессика должна быть на тренировке команды болельщиц, а родители еще на работе.

– Стив? Бетси?

Элизабет бросила учебники на коричневый мраморный столик и направилась в кабинет, где ночевала Бетси. Радиоприемник оглушал даже из-за плотно закрытой двери. Элизабет осторожно постучала. Никто не отозвался. Интересно, чем это может заниматься Бетси под такую громкую музыку? Было страшно узнать правду. Элизабет представила себе накуренную комнату, пустые бутылки, разбросанные на красном восточном ковре в кабинете, Бетси, развалившуюся на диване.

«А если она не одна? Может, у нее там парень», – испуганно размышляла Элизабет.

– Нет, – решительно сказала она себе. – Я ведь хочу помочь ей. В конце концов, только вчера вечером Бетси клялась, что начнет новую жизнь.

Элизабет постучала громче. Никакого ответа. Может, Бетси не слышит из-за громкой музыки? Поколебавшись, Элизабет повернула ручку и приоткрыла дверь.

Глаза ее округлились от изумления. Ведь она ожидала увидеть черт-те что. Но ее взору предстала Бетси, сидящая спиной к двери за большим столом из красного дерева, поглощенная какой-то работой. Элизабет открыла дверь шире. Теперь она могла видеть, как Бетси, одетая в обрезанные джинсы и майку, склонилась над альбомом для эскизов и что-то рисовала карандашом.

– Бетси! – громко позвала Элизабет. Бетси, как испуганный зверек, быстро обернулась.

– Фу, Элизабет, – с облегчением выдохнула она и опустила напряженно поднятые плечи. – Привет, – без особого энтузиазма бросила она, отвернулась и снова принялась за работу.

Элизабет издали никак не могла разобрать, что рисовала Бетси.

– Я пришла спросить, не выпьешь ли ты со мной стакан молока с шоколадным печеньем. – Элизабет пришлось повысить голос, чтобы перекричать музыку.

– Молоко – напиток для хороших девочек, – язвительно заметила Бетси. – Видно, придется к нему привыкать.

– Это можно понимать, как «да»?

Бетси некоторое время не отвечала, поглощенная работой.

– Понимай, как хочешь.

Элизабет вздохнула. Как тяжело лезть к человеку в душу. Может, и вправду уйти, раз тебя так встречают? Во всяком случае Бетси явно хотела, чтобы ее оставили в покое. Элизабет собралась было уходить, но вдруг вспомнила, как сегодня во время обеденного перерыва Инид

изо всех сил старалась отвлечь ее от грустных мыслей. Каждому человеку необходимо внимание, даже Бетси Мартин. Элизабет глубоко вздохнула и решила попробовать еще раз.

– Я и не знала, что ты художник, Бетси. – Элизабет сделала несколько шагов вперед.

Бетси отложила карандаш в сторону и бесхитростно ответила:

– Да, я люблю рисовать.

– Вот здорово! – воскликнула Элизабет. – И давно ты рисуешь?

Бетси повернулась лицом к Элизабет. Взгляд ее смягчился. Элизабет вдруг поняла, что никто до нее никогда не задавал Бетси этого вопроса.

– Наверное, с того времени, как умерла мама... Я тогда обнаружила, что могу с головой уйти в работу, – она слегка нахмурилась. – Подчас это единственное, что помогает мне не упасть духом.

Элизабет подошла к приемнику:

– Я сделаю немного потише?

Бетси кивнула.

– Такая громкая музыка не мешает тебе работать?

– Да я уже привыкла, – объяснила Бетси. – Раньше я ее включала, чтобы не слышать, как отец шатается по комнате, сшибая все на своем пути, как дерутся соседи... – Лицо Бетси опять стало напряженным. – Но тебе, пожалуй, это не интересно.

Элизабет села на диван.

– Мне кажется, я понимаю, что для тебя значит твое увлечение. Это, наверное, как для меня журналистика.

Бетси на секунду задумалась над словами Элизабет.

– Это как друг, который рядом с тобой, – продолжала Элизабет. – Когда все плохо, я всегда могу найти утешение и поддержку в своей работе.

Холодное выражение исчезло с лица Бетси. Она энергично закивала. Элизабет поняла, что задела ее за живое.

– Да, помню, когда я еще не бросила школу, я видела твои заметки в нашей газете, – вспомнила Бетси. – Как она называлась?

– «Оракул». Я и сейчас этим занимаюсь. Веду раздел «Глаза и уши», – ответила Элизабет, имея в виду еженедельную колонку школьных новостей.

– А ты пишешь что-нибудь для себя? Может, стихи? Или рассказы? – Бетси вместе со стулом перебралась поближе к дивану.

Элизабет заколебалась. Она всегда мечтала стать известным писателем. За последние несколько лет она написала столько стихов и рассказов, что они с трудом умещались в ящиках ее письменного стола. Но мечту свою она держала в тайне. Только несколько человек знали, как много значит для нее это увлечение. Элизабет никогда особо не распространялась об этом. Но сейчас поняла, что стена между ней и Бетси вот-вот готова рухнуть и что Бетси ждет откровенности от Элизабет.

– Только это между нами, – шепотом сказала она. – Да, я все время пишу. Но, знаешь, я... немного стесняюсь этого и поэтому никому не показываю.

– Понимаю. Ведь это очень личное, правда? – Бетси качнула головой. – О том, что я рисую, знают тоже очень немногие... Ну что же, так даже и лучше. Я слишком долго жила в грязи и совсем не хотела касаться своего увлечения, последнего, что у меня осталось. – Голос Бетси задрожал.

– Ну что ты, все будет хорошо, – ласково сказала Элизабет.

Бетси уткнулась глазами в пол:

– Не нужно меня успокаивать, Лиз. Я знаю, что обо мне говорят. Что я пью, о наркотиках и парнях... Но ведь все это чистая правда.

Элизабет положила руку ей на колено:

– Просто не нужно к этому возвращаться. Надо больше рисовать, и тогда на остальное просто не останется времени.

Лицо Бетси немного прояснилось.

– Конечно. А потом, мне кажется, что с каждым днем я рисую все лучше и лучше.

Элизабет улыбнулась:

– Слушай, а покажи, что ты сейчас рисовала.

Бетси покраснела:

– Я думаю, не надо этого...

– Ну, Бетси, пожалуйста.

– А если тебе не понравится?

– Что за чепуху ты говоришь.

– Даже не знаю, Лиз...

– Я только краешком глаза погляжу, а, – упрашивала Элизабет.

– Ну ладно.

Девушки подошли к столу, и Бетси раскрыла перед Элизабет альбом. Портрет Трисии был выполнен с таким мастерством и изяществом, а сходство настолько поразительно, что Элизабет несколько минут от удивления не могла вымолвить ни слова.

– Ну как?

Элизабет почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы восхищения.

– Просто замечательно.

– Правда?

– Слушай, Бетси, если другие твои рисунки так же хороши, как этот, то ты просто гений. Знаешь, на этом портрете Трисия как живая.

Девушки на несколько минут замолчали, погруженные в воспоминания. Наконец Элизабет заговорила:

– Стивену наверняка бы понравилось.

– Странно, я сама именно об этом и думала, когда рисовала.

Бетси в последний раз взглянула на портрет и закрыла альбом.

– Кстати, а где Стивен? – спросила Элизабет, переводя разговор с грустной темы.

– Поехал в колледж – узнать задание на эту неделю. Он говорит, что ему нужно побыть еще несколько дней дома, прежде чем снова приниматься за учебу. Обещал вернуться к обеду.

Элизабет кивнула. И вдруг порывисто обняла Бетси. За то короткое время, что они были вместе, Бетси стала ей совсем как родная. Бетси тоже обняла ее.

– Лиз, может, это и неожиданно вот так сразу, но, знаешь, приходи ко мне всегда, когда захочешь, ладно? Мы можем немного поболтать.

– Конечно.

Бетси улыбнулась. Ее большие глаза засияли от радости.

– Ну, а если предложение остается в силе, как насчет молока с шоколадным печеньем?

4

Джессика стояла у кучи одежды, сваленной посреди комнаты Элизабет, и примеряла розовую хлопчатобумажную блузку. Поразмыслив, она решила, что блузка тоже не подходит и бросила ее к остальным вещам.

– Ради бога, Джес. Ты собираешься на похороны, а не на вечеринку.

– Может, надеть твою шелковую темно-синюю блузку? – размышляла Джессика, не обращая ни малейшего внимания на замечание сестры. – Нарядная и в то же время строгая. – Она подошла к шкафу Элизабет и стала перебирать аккуратно развешанные там вещи, пока не нашла то, что искала.

– Ну как тебе? – Джессика приложила блузку к себе.

– Джессика, сегодня будут хоронить любимую девушку Стивена, а тебя волнует то, как ты будешь выглядеть. – Элизабет с трудом удавалось не повысить голос.

Сама она надела темно-серый свитер с небольшим воротом.

Джессика с досадой взглянула на сестру:

– Лиззи, дорогая, хоть кто-то в этой семье должен же выглядеть так, чтобы сгладить неприятное впечатление от того, что с нами будет сама-знаешь-кто.

– Джесси, дорогая, – копируя интонации сестры, сказала Элизабет, – не ты ли вчера вечером дала мне обещание оставить Бетси в покое?

Джессика застегнула темно-синюю блузку и посмотрелась в большое зеркало на двери.

– Это было до того.

– А что случилось после того? – Элизабет застегнула молнию на юбке и надела туфли.

– То, чего следовало ожидать. – Джессика заглянула в шкатулку с украшениями Элизабет и выбрала золотые серьги-колечки.

– Джессика, я не понимаю, что ты такое говоришь. Неужели трудно объяснить по-человечески?

– Я говорю о том, во сколько Бетси вчера вечером вернулась домой. Вернее, сегодня утром. Я слышала, как она пришла. Было уже светло.

Элизабет села в кресло, обитое кремовой тканью.

– Ты в этом уверена?

– Конечно.

– Но, Джес, – простила Элизабет разочарованно, – а как же ее обещание? Она ведь была так решительно настроена...

– Лиз, о каком выполнении обещания можно говорить, если речь идет о такой девице, как Бетси? За свою жизнь она делала гораздо худшие вещи, чем простое невыполнение обещания.

– Но я только вчера с ней разговаривала, и она была готова... не знаю, как сказать... Была полна решимости начать новую жизнь. Я как будто узнала ее совершенно с другой стороны.

– Ну, здесь я не в материале. Говорю только то, что слышала. А слышала я, что она пришла как раз перед тем, как все проснулись. Но, впрочем, меня это не касается. После похорон, слава богу, мы наконец от нее избавимся. – Джессика сделала жест рукой в сторону двери, снова подошла к шкафу Элизабет и выбрала себе пару серых туфель на высоких каблуках.

– Эй, а где твои голубые туфли, – поинтересовалась Элизабет, – те, которые ты только что купила? Почему ты их не надеваешь?

– Но, Лиз, твои так хорошо подходят к моей юбке. Можно мне их взять?

– Джессика, ты же на новые туфли потратила все деньги, которые дали нам обеим на месяц.

– Что ж... хорошо, если ты настаиваешь... – И Джессика прошла через ванную, которая соединяла ее комнату с комнатой сестры, к себе, и через минуту вернулась с одной туфелькой-лодочкой в руках.

– Представляешь, я не могу найти вторую, – с досадой сказала она.

– Удивительно еще, – усмехнулась Элизабет, – как ты сумела отыскать хоть одну.

Беспорядок в комнате Джессики был обычным явлением. Можно было подумать, что по ней прошел тайфун более страшный, чем те, которые бушевали в Карибском море.

Джессика умоляющим взглядом смотрела на Элизабет.

– Ну ладно, бог с тобой, – вздохнула Элизабет. – Надевай мои, а то мы опоздаем к завтраку, если ты еще прособираешься.

Джессика без малейшего колебания надела серые туфли Элизабет и довольно улыбнулась. Как обычно, она получила то, что хотела.

Когда сестры вошли в просторную, облицованную кафелем в испанском стиле кухню, Элис Уэйкфилд как раз ставила на стол блюдо с горячими оладьями. Нед Уэйкфилд разливал кофе и сок. Бетси уже сидела за столом, склонив голову.

– Всем доброе утро, – поздоровалась Элизабет.

Бетси подняла голову. Глаза у нее были красные. Интересно, от слез или от затянувшейся вечеринки?

– Поздно вернулась, да, Бетси? – Джессика присела на стул рядом с ней.

– Ты слышала, как я пришла? – смутилась Бетси. – Я ходила к себе домой, разбирала вещи Трисии. – Ее лицо приняло отрешенное выражение. – Я заснула на диване.

– А, понятно, – недоверчиво произнесла Джессика.

Элизабет ледяным взглядом посмотрела на сестру и повернулась к Бетси.

– Как ты, Бетси? Все в порядке?

Бетси молча кивнула. Элизабет заметила, как по ее щеке прокатилась слеза. Элизабет сочувственно сжала руку Бетси. За столом воцарилось напряженное молчание. Не успели мистер и миссис Уэйкфилд присоединиться к остальным, как на пороге кухни показался Стивен.

– Всем привет, – устало поздоровался он.

Глаза у Стивена опухли, под глазами виднелись темные круги. Вид у него был такой, будто он провел бессонную ночь.

– Бетси, у меня для тебя подарок, который, я думаю, должен тебя очень обрадовать. – Стивен изо всех сил пытался говорить весело.

Он положил перед Бетси большой сверток и сел за стол.

– Мне? – озадаченно спросила Бетси. – Но почему?

– Ты только посмотри, что там внутри.

Вся семья с любопытством наблюдала, как Бетси разворачивала коричневую оберточную бумагу и открывала белую коробку.

– Ой, Стиви! – восторженно воскликнула Бетси. – Просто потрясающе!

Внутри лежал большой набор акриловых красок и несколько кистей разных размеров.

– Лиз сказала мне, что ты любишь рисовать, – объяснил Стивен, – и я подумал, может, тебе попробовать рисовать красками.

Бетси подняла глаза на Стивена и покраснела до корней волос.

– Это самый прекрасный подарок... Я просто не знаю, как тебя благодарить...

– Замечательно, Стивен. – Элис Уэйкфилд одобрительно кивнула.

Бетси восхищенно перебирала яркие тюбики с красками. Потом снова взглянула на Стивена.

– Никогда в жизни мне не делали такого прекрасного подарка... Вернее, мне вообще никто не делал подарков. – Бетси немного помедлила.

Лицо ее вдруг опять стало печальным, у нее задрожали губы, и она опустила голову.
– Никто, кроме Трисии...

Стивен сидел напротив нее, усердно помешивая кофе, и тоже не поднимал взгляда от стола.

Элизабет поняла, что они оба снова погрузились в воспоминания.

Завтрак закончился в полном молчании.

– ...Яко земля еси и в землю отыдеша, – священник завершил обряд, и гроб с Трисией Мартин опустили в могилу.

Элизабет поежилась от холодного утреннего тумана. Со скорбным лицом она стояла в первых рядах до неприличия маленькой группы людей, пришедших проститься с Трисией. Несколько учителей из школы, несколько одноклассников Трисии и еще два-три человека. Из семьи Мартинов была только Бетси. Остальные родственники не захотели лишней раз себя печалить. Никто из них не пришел сказать Трисии последнее «прощай». Джим Мартин, отец Трисии и Бетси, тоже не появился. Хотя Бетси ничего и не говорила, но все время в течение короткой службы она пристально вглядывалась в толпу, пытаясь отыскать отца. Слабый луч надежды в ее глазах сменился выражением разочарования и раздражения, как только она рассмотрела всех присутствовавших.

Но теперь уже Бетси стояла с окаменевшим лицом, одной рукой держась за руку Элизабет, другой за Стивена. Мистер и миссис Уэйкфилд, склонив головы, стояли рядом с сыном. Даже на лице Джессики появилось скорбное выражение, когда в могилу бросили первую горсть земли.

Вдруг Бетси издала душераздирающий крик, как будто ее саму закапывали в могилу, и рухнула на землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.